

Формирование внешнеполитических приоритетов государств Балтии в период становления основ их суверенитета (первая половина 1990-х гг.)

Володькин А.А.

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск

Хронологические рамки исследования охватывают период 1991–1995 гг. Когда Верховные Советы Литовской, Эстонской и Латвийской ССР приняли декларации о восстановлении их государственного суверенитета, даже западные страны, большинство из которых не признало включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза летом 1940 г., не спешили налаживать с ними официальные контакты. Поэтому именно полосу международного признания государств Балтии и установления с ними дипломатических отношений в 20-х числах августа 1991 г., знаменовавшая собой начало полноценного осуществления этими тремя странами суверенной внешней политики, взята в качестве нижней хронологической границы исследования. В то же время с некоторой долей условности за верхнюю хронологическую границу была взята подача Латвией, Эстонией и Литвой официальных заявок на вступление в ЕС в октябре – декабре 1995 г.

Цель статьи – выявить и проследить основные тенденции и динамику формирования внешнеполитических приоритетов Литвы, Латвии и Эстонии в 1991–1995 гг., когда после восстановления независимости складывается политическая система этих стран.

Материал и методы. Основными источниками исследования послужили материалы ведущих СМИ государств Балтии, а также научные публикации по различным проблемам внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии. Методология же данной работы опирается на сочетание методов исторической науки с отдельными подходами теории международных отношений и внешнеполитического анализа.

Результаты и их обсуждение. Показаны динамика отношений Литвы, Латвии и Эстонии с Россией, США и европейскими структурами, а также развитие трехстороннего сотрудничества самих этих стран и их взаимодействие с соседними государствами Северной Европы в рассматриваемый период.

Заключение. На основании анализа внешнеполитической повестки государств Балтии автор выделяет главные векторы их внешней политики, к которым относит российский, европейский и трансатлантический, и делает выводы о месте каждого из них в иерархии внешнеполитических приоритетов этих стран в обозначенный период.

Ключевые слова: государства Балтии, Литва, Латвия, Эстония, история внешней политики.

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 20–26)

Shaping Baltic States' Foreign Policy Priorities during Maturation of the Bases of their Sovereignty (First Half of the 1990s)

Volodkin A.A.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

The research chronological frames are the period of 1991–1995. When the Supreme Councils of the Lithuanian, Latvian and Estonian SSRs adopted declarations on the restoration of their state sovereignty even Western countries, most of which had not recognized the inclusion of Latvia, Lithuania and Estonia into the USSR in the summer of 1940, were not in a hurry to establish official contacts with them. That is why the strip of international recognition of Baltic States and the establishment of diplomatic relations with them in the 20-s of August 1991, which symbolized the beginning of their sovereign foreign policies, is taken as the lower research chronological borderline. Thus, somewhat arbitrary, the submission by Latvia, Lithuania and Estonia of official applications for admission to EU in October – December 1995 is considered to be the higher chronological borderline.

The purpose of this article is to reveal and trace the main trends and dynamics of the formation of foreign policy priorities of Lithuania, Latvia and Estonia in 1991–1995, when the political systems of these states were formed after the restoration of their independence.

Адрес для корреспонденции: e-mail: valodzkin@bsu.by – А.А. Володькин

Material and methods. *The main sources of the study were the materials of the leading Baltic States media, as well as research publications on various foreign policy issues of Lithuania, Latvia and Estonia. The research methodology is based on a combination of the methods of historical science with individual approaches of the theory of international relations and foreign policy analysis.*

Findings and their discussion. *The article reflects the dynamics of relations of Lithuania, Latvia and Estonia with Russia, the USA and European structures, as well as the development of trilateral cooperation between these states and their interaction with neighboring states of Northern Europe during the period under review.*

Conclusions. *Based on the analysis of the foreign policy agenda of the Baltic States, the article reveals the main vectors of their foreign policy, which include Russian, European and Transatlantic; the author draws conclusions about the place of each of them in the hierarchy of foreign policy priorities of these states in the period under review.*

Key words: *Baltic States, Lithuania, Latvia, Estonia, history of foreign policy.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 20–26)

Первая половина 1990-х гг. была чрезвычайно важным этапом в истории развития Литвы, Латвии и Эстонии. После восстановления независимости в 1990–1991 гг. начинают заново складываться основы их государственного суверенитета. В этот период все три страны принимают конституции и формируют новую систему органов государственной власти, которые закладывают основы их суверенной внутренней и внешней политики. Хотя некоторые важные внешнеполитические ориентиры государств Балтии были заданы их новой национальной идеологией еще в период борьбы за восстановление независимости (1989–1991 гг.), например, идея «возвращения в Европу» и концепция государственного континуитета (политико-правовой преемственности с независимыми республиками, существовавшими в Эстонии, Латвии и Литве в довоенный период), лишь под влиянием быстрого изменения международной ситуации в первой половине 1990-х гг. они трансформировались в конкретные направления внешней политики – стремление как можно скорее избавиться от всякого российского влияния и курс на полную интеграцию в экономические и военно-политические союзы стран Запада.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1991–1995 гг. Хотя сами государства Балтии сейчас ведут официальный отчет восстановления своей независимости с весны 1990 г., когда Верховные Советы Литовской, Эстонской и Латвийской ССР приняли декларации о восстановлении их государственного суверенитета, даже западные страны, большинство из которых не признало включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза летом 1940 г., не спешили налаживать с ними официальные контакты вплоть до провала в Москве путча ГКЧП в августе 1991 г. и вступления распада СССР в свою завершающую стадию [1, с. 57]. Поэтому именно полоса международного признания государств Балтии и установления с ними дипломатических отношений в 20-х числах августа 1991 г., знаменовавшая собой начало полноценного осуществления этими тремя странами суверенной внешней политики, взята в качестве нижней хронологической границы исследования. С верхней хронологической границей ситуация

не столь очевидна, поскольку в середине 1990-х гг. произошёл целый ряд событий, которые стали важными вехами в развитии внешней политики стран Балтии, – завершение вывода с их территории российских войск, первые серьезные шаги по сближению с ЕС и НАТО, принятие первых доктринальных документов, фиксирующих их долгосрочные внешнеполитические цели. Все они в определенной степени могут считаться переходом к следующему этапу. В то же время с некоторой долей условности за верхнюю хронологическую границу была взята подача Латвией, Эстонией и Литвой официальных заявок на вступление в ЕС в октябре – декабре 1995 г.

Цель статьи – определение основных тенденций и динамики формирования внешнеполитических приоритетов трех государств Балтии в 1991–1995 гг.

Материал и методы. Источниковой базой исследования послужили материалы ведущих средств массовой информации государств Балтии о международных встречах и визитах лидеров этих стран за рассматриваемый период, сборник мемуаров первого президента постсоветской Литвы А. Бразаускаса, а также публикации балтийских, российских и западных исследователей по различным проблемам внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии.

Методология данной работы базируется, прежде всего, на методах и подходах исторической науки, таких как принципы историзма, реконструкция хронологии исторических процессов, прослеживание генеалогии отдельных проблем и направлений внешней политики изучаемых государств. Вместе с тем предмет исследования предполагает использование отдельных подходов теории международных отношений и внешнеполитического анализа – например, теории секьюритизации, разработанной основоположниками Копенгагенской школы изучения международной политики Б. Бузаном и О. Уивером, которая применяется в контексте данной статьи для объяснения мотивации внешнеполитических действий государств Балтии.

Результаты и их обсуждение. Одним из важнейших вопросов внешней политики государств Балтии в начале 1990-х гг. была проблема вывода с их территории бывших советских войск, взятых в январе 1992 г. под юрисдикцию России. Присутствие этих

войск в Литве, Латвии и Эстонии рассматривалось в качестве последнего препятствия к восстановлению полного суверенитета и сдерживающего фактора в проведении собственного внешнеполитического курса. Широко распространено убеждение, что именно из-за того, что на их территории еще размещались российские войска, государства Балтии не могли до 1994 г. открыто проводить курс на евроатлантическую интеграцию и вынужденно воздерживались от сближения с НАТО [2, с. 8].

Первоначально решение этой задачи не вызывало особой обеспокоенности. Российское руководство не высказывало принципиальных возражений против вывода войск, и вопрос стоял лишь о сроках его завершения. Так, уже в конце января – начале февраля 1992 г. страны Балтии посетила российская делегация во главе с вице-премьером С.М. Шахраем. По итогам проведенных ей переговоров было решено начать работу над соглашениями о сроках и порядке вывода войск, а также об их правовом статусе до его завершения. Была достигнута договоренность, что из Литвы вывод войск начнется в феврале, а из Латвии – в марте 1992 г. Эстония тогда не смогла достичь подобных договоренностей из-за разразившегося там правительственного кризиса [3, с. 26–27].

Однако вскоре в балтийско-российских отношениях сложился целый комплекс противоречий, придавший им крайне конфликтный характер, из-за чего вопрос вывода войск стал предметом жесткого политического торга. Формально подобные противоречия были обусловлены утвердившейся в странах Балтии еще в период их борьбы за независимость в 1989–1991 гг. концепции государственного континуитета, которую российские и русскоязычные авторы обычно называют «оккупационной доктриной» [4–7]. В соответствии с данной концепцией включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР летом 1940 г., как и весь последующий период «советской оккупации», объявлялись незаконными последствиями сделки двух агрессоров (Пакта Молотова–Риббентропа). Поэтому утверждалось, что юридически довоенные республики не прекращали своего существования, а следовательно, в случае государств Балтии речь идет не о создании новой государственности, а о восстановлении и продолжении прежней.

Практическая реализация указанной концепции среди прочего поднимала вопросы о возвращении к прежним границам и о статусе русского и русскоязычного населения, которое переехало жить в Литву, Латвию и Эстонию в советский период. Ее строгое соблюдение предполагало восстановление прежних границ и автоматическое предоставление гражданства лишь гражданам прежних довоенных республик и их прямым потомкам. Однако на практике страны Балтии следовали этим принципам весьма избирательно. После включения в состав СССР границы всех трех республик претерпели изменения. Однако если Эстония и Латвия потеряли небольшую часть своей прежней

территории, которая в 1944 г. была включена в состав РСФСР, то Литва наоборот расширила свои границы за счет передачи ей в 1940 г. пяти районов БССР и возвращения Клайпеды в 1945 г. Поэтому, в отличие от Эстонии и Латвии, литовское руководство не только никогда не поднимало вопрос о возврате к прежним границам, но и очень опасалось сепаратистских выступлений в Виленском крае и Клайпедой, которые к тому же являются двумя регионами Литвы с наибольшей концентрацией национальных меньшинств.

Что касается двух других стран Балтии, то 12 сентября 1991 г. Верховный Совет Эстонии объявил недействительным решение Верховного Совета СССР 1944 г. о передаче в состав Ленинградской и Псковской областей РСФСР территорий, ранее уступленных Россией Эстонии по мирному договору 1920 г. общей площадью около 2,3 тыс. км². После этого Эстония начала выдачу эстонских паспортов жителям этих районов как гражданам довоенной республики. Также она предприняла попытку привлечь к посредничеству в вопросе о границе СБСЕ и Финляндию [3, с. 31]. Позиция Эстонии изменилась после смены правительства в конце 1994 г. В мае 1995 г. президент страны Л. Мери заявил о готовности разрешить вопрос о границе с Россией. В октябре 1995 г. на очередном раунде переговоров в Пскове было заявлено об отсутствии у сторон взаимных территориальных претензий друг к другу. Однако из-за выдвинутых эстонской стороной требований включить в текст договора упоминания о Тартуском мирном договоре 1920 г. российская сторона отказалась его подписать, посчитав это попыткой заставить ее признать оккупацию 1940 г. [6, с. 89].

22 января 1992 г. аналогичное постановление в отношении бывших латвийских территорий Пыталовского и Палкинского районов Псковской области (1,6 тыс. км²) принял Верховный Совет Латвии. Однако в Латвии вопрос о границе никогда не принимал такой остроты, как в Эстонии. Переговоры о делимитации и демаркации границы были начаты в апреле 1996 г., при этом Латвия согласилась вести переговоры не о «восстановлении границы», а просто о «государственной границе» с Россией [3, с. 32].

Похожее расхождение позиций между Литвой и остальными странами Балтии произошло и по вопросу о гражданстве для переселенцев советского периода. Как отмечает академик Р.Х. Симонян, в силу проводившейся руководством Литовской ССР линии на ограничение притока кадров из других союзных республик к концу советского периода русскоязычное население Литвы не превышало 10% [5]. Поэтому, несмотря на свою жесткую националистическую риторику, литовское руководство во главе с В. Ландсбергисом сразу же согласилось автоматически предоставить гражданство всем постоянным жителям республики, проживавшим в ней на момент восстановления независимости.

В остальных двух республиках советской Прибалтики, где в период СССР строились крупные предприятия, наоборот, доля русскоязычного населения воз-

росла в несколько раз и к 1989 г. составила более трети населения Эстонии и чуть менее половины населения Латвии [2; 5]. Поэтому, хотя изначально народные фронты этих республик, которые пользовались поддержкой в том числе и демократически настроенной части их русскоязычного населения, обещали предоставить гражданство всем жителям Латвии и Эстонии, в 1991–1992 гг. возобладали другая позиция по этому вопросу, которую отстаивали более радикально настроенные конгрессы граждан. Данные организации еще в 1990–1991 гг. начали составлять списки граждан довоенных Латвии и Эстонии и их прямых потомков, считая, что лишь они имеют право на автоматическое получение гражданства после восстановления независимости, а все остальные должны проходить такую же процедуру натурализации, как и вновь прибывающие мигранты. В этом их поддержали и влиятельные балтийские диаспоры в западных странах. В итоге уже в октябре 1991 г. в Латвии, а в феврале 1992 г. в Эстонии были приняты законы, по которым автоматически гражданство получали лишь граждане этих стран 1920–1940-х гг. и их потомки [3, с. 19]. Эстонский политолог И. Розенфельд объясняет такое решение вопроса о гражданстве стремлением правых националистических партий исключить на как можно более долгий срок большую часть русскоязычного населения этих республик из политической борьбы и тем самым подорвать электоральную базу своих главных соперников – левоцентристских партий, обеспечивая собственное преобладание в политической системе и неизбежность своего жесткого прозападного курса [6, с. 84–85].

Российское руководство восприняло этот шаг как предательство со стороны вчерашних союзников по противостоянию союзному центру в лице М.С. Горбачева. Ведь в период силовых акций союзного правительства в Вильнюсе и Риге в январе 1991 г. Б.Н. Ельцин резко осудил подобные действия руководства СССР и в знак поддержки балтийских республик посетил Таллинн и Ригу и заключил 12 января Договор «Об основах межгосударственных отношений» России с Эстонией, а 13 января – с Латвией. Но, как отмечает А.В. Вушкарник, эти договоры составлялись в спешке и такие важные вопросы, как установление межгосударственных границ и предоставление гражданства русскоязычному населению Эстонии и Латвии, остались без внимания – было заявлено лишь, что они станут предметом дальнейших переговоров и будут решаться в соответствии с принципами СБСЕ [3, с. 13, 30].

Поэтому Россия попыталась обусловить заключение договоренностей о сроках вывода войск из государств Балтии предоставлением гражданства всему русскоязычному населению данных стран, а также оказать на них давление через международные организации – ООН, СБСЕ, Совет Европы и др. Однако такая политика оказалась неэффективной для России, поскольку эти организации признали несоответствующими международным стандартам лишь отдельные нарушения, связанные с завышением требований на-

турализации и неясностями в толковании некоторых норм, но в целом не оспаривали право Латвии и Эстонии отказать в автоматическом предоставлении гражданства переселенцам советского периода [3, с. 24].

В свою очередь, страны Балтии попытались интернационализировать вопрос о выводе российских войск и привлечь к нему внимание США и других государств Запада, заявляя, что Россия намеренно затягивает переговоры, чтобы сохранить над ними военный контроль. Были также выдвинуты требования возмещения ущерба за пребывание войск с 1940 г. И для них подобная дипломатическая тактика, которой Д. Гэлбрит и Л. Ламоро впоследствии дали меткую характеристику «договариваться с Востоком, вовлекая Запад» [8], оказалась весьма успешной. Так, по мнению бывшего советника президента Латвии, профессора Ж. Озолини, принятие 25 ноября 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «О полном выводе иностранных войск с территории государств Балтии» стало возможным лишь благодаря участию в подготовке и лоббировании этого документа США [9, с. 76–77]. Кроме того, США обусловили предоставление своей экономической помощи России выполнением договоренностей по выводу войск из стран Балтии, а также выделили средства на строительство жилья для личного состава выводимых частей [2, с. 12]. На эти же нужды предоставили средства и страны Северной Европы [3, с. 41]. Таким образом, российское руководство лишалось главного аргумента о затягивании сроков вывода войск в связи с экономическими трудностями по их передислокации на территорию России.

В итоге вывод российских войск из Литвы завершился в августе 1993 г., а из Латвии и Эстонии – годом позже, в августе 1994 г. На основании этого может сложиться представление, что отношения Литвы с Россией были лучше, чем у ее северных соседей. Действительно, литовско-российские отношения не были отягощены взаимными претензиями по поводу границ и гражданства. Однако в стремлении дистанцироваться от России Литва во многом подавала пример остальным странам Балтии. Так, 8 июня 1992 г. был принят Конституционный акт Литовской Республики «О неприсоединении к постсоветским восточным союзам», в котором говорится, что Литва «никогда и ни под каким видом не присоединится к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств», а любая деятельность по ее вовлечению в подобные союзы провозглашалась «враждебной» [10].

Еще раньше, в январе 1992 г., председатель Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис на встрече с Б.Н. Ельциным во время своего визита в Москву первым из балтийских лидеров выдвинул требование к России как к стране-правопреемнице СССР о компенсации «ущерба за советскую оккупацию». Впоследствии во всех трех странах Балтии были сформиро-

ваны государственные комиссии по оценке ущерба от советской оккупации. Как отмечает российский автор А.А. Носович, они озвучивали фантастические цифры в сотни миллиардов долларов, регулярно пересматривая их в сторону увеличения [7, с. 216]. Столь высокие требования в условиях, когда Россия не собиралась даже признавать сам факт оккупации, означали, по его мнению, что на самом деле страны Балтии вовсе не ожидали получить эту компенсацию, а просто использовали данный вопрос для нагнетания образа «российской угрозы» – как доказательство того, что Россия так и не раскаялась за свое имперское прошлое, а значит, все еще представляет угрозу.

Но какова могла быть цель такой политики? Достаточно убедительное объяснение ей может предложить теория секьюритизации, разработанная основоположниками Копенгагенской школы изучения международной политики О. Уивером и Б. Бузаном. Согласно данной теории, наилучший способ мобилизовать ресурсы на решение некоей проблемы – убедить общество, что данная проблема представляет серьезную угрозу его безопасности. Именно это предприняли политические элиты государств Балтии, используя тему «российской угрозы» в качестве универсального аргумента для удержания власти и проведения весьма болезненных реформ, необходимых для приема этих стран в ЕС и НАТО. Чтобы избежать излишних дискуссий об издержках вступления в указанные организации, обществу внушалось, что только так можно гарантировать в будущем защиту Литвы, Латвии и Эстонии от «российской угрозы». Следовательно, для достижения подобной цели оправданы любые средства.

Западный вектор внешней политики государств Балтии в рассматриваемый период явно не мог сравниться по интенсивности и важности решаемых задач с российским вектором. И сдерживающим фактором тут было не столько присутствие на их территории российских войск до 1993–1994 гг., сколько неготовность стран Запада сразу выстроить свои приоритеты по поводу дальнейших отношений с Россией, другими постсоветскими странами и государствами бывшего советского блока. В 1992–1993 гг. многие западные лидеры предпочитали поддержку новой либеральной России выстраиванию против нее коалиций со странами Центральной и Восточной Европы. Однако дальнейшее сворачивание российских реформ и расхождение позиций по чеченскому, югославскому и некоторым другим вопросам постепенно склонили чашу весов западной политики в противоположную сторону. Поэтому серьезные шаги по интеграции государств Балтии в ключевые западные международные структуры начались лишь в середине 1990-х гг.

Почти сразу же после международного признания страны Балтии были приняты в СБСЕ (сентябрь 1991 г.). Более долгим оказался их путь в другую европейскую организацию – Совет Европы. Литва и Эстония смогли вступить в нее 14 мая 1993 г., а Латвия – лишь 10 февраля 1995 г. Такая задержка приема Латвии была вызва-

на обвинениями со стороны России в нарушении прав русскоязычного меньшинства в этой стране, в результате чего туда отправилась миссия экспертов Совета Европы для мониторинга ситуации, и Латвия смогла вступить в данную организацию лишь после внесения в свой закон о гражданстве рекомендованных ими поправок [3, с. 38].

Начало отношений между странами Балтии и ЕС было положено 27 августа 1991 г., когда со стороны Сообщества последовало заявление о признании этих стран и об установлении с ними дипломатических отношений. Первым серьезным успехом балтийской дипломатии на обозначенном направлении стал перевод Литвы, Латвии и Эстонии из сферы действия программы ТАСИС в зону программы ФАРЭ. Разница между этими двумя инструментами финансовой помощи ЕС заключалась в том, что программа ФАРЭ распространялась на переходные страны Центральной и Восточной Европы и предполагала куда большие преференции и объемы помощи, чем принятая для республик бывшего СССР программа ТАСИС, предлагавшая лишь ограниченную техническую поддержку. Кроме того, впоследствии программа ФАРЭ стала одним из главных инструментов подготовки стран-кандидатов к вступлению в ЕС. Таким образом, распространение на страны Балтии программы ФАРЭ с января 1992 г. означало не только большие объемы помощи, но и их перевод по градации ЕС из категории постсоветских стран в группу переходных государств ЦВЕ [11, с. 102].

Следующей вехой в развитии отношений Литвы, Латвии и Эстонии с ЕС стало подписание 11 мая 1992 г. соглашений о партнерстве и сотрудничестве. Это были рамочные соглашения первичного уровня, аналогичные тем, которые ЕС заключил с Польшей и другими странами ЦВЕ в 1988–1989 гг. После завершения процедуры ратификации они вступили в силу в 1993 г. А 18 июля 1994 г. страны Балтии заключают с ЕС Соглашения о свободной торговле, которые вступили в силу в 1995 г. Такие соглашения, напротив, не имели аналогов в отношениях ЕС с другими странами ЦВЕ. Подобной чести государства Балтии удостоились благодаря тому, что они успели заключить Соглашения о свободной торговле с Финляндией и Швецией, которые 1 января 1995 г. вступали в ЕС. Следовательно, присоединяясь к общему рынку ЕС, Швеция и Финляндия должны были либо расторгнуть данные соглашения, либо распространить их действие на весь Евросоюз. Благодаря активному лоббированию этих государств в европейских структурах в итоге был выбран именно второй вариант.

Поддержка соседних стран Северной Европы вообще имела очень важное значение для реализации внешнеполитических задач государств Балтии. Первые политические контакты между ними установились еще в конце 1989 г., когда Президиум Северного совета направил в Литву, Латвию и Эстонию свои делегации для подробного изучения внутривнутриполитической ситуации в этих республиках. В ноябре 1990 г. в их столицы была направлена еще одна делегация данной организации, а в декабре при участии ми-

нистров иностранных дел государств Северной Европы состоялось открытие Балтийского информационного центра в Риге. В марте 1991 г. Президиум Северного совета пригласил глав правительств Литвы, Латвии и Эстонии выступить на своем заседании в Копенгагене. В начале 1990-х гг. вообще серьезно рассматривалась возможность приема стран Балтии в эту организацию [12, с. 169]. Но, с учетом существовавших в то время экономических и политических различий между северными государствами и странами Балтии, для взаимодействия указанных двух региональных групп в марте 1992 г. была создана другая международная структура – Совет государств Балтийского моря. В это же время начинаются встречи в формате «3+5» (три страны Балтии и пять северных государств).

Северные страны становятся основными зарубежными инвесторами в государствах Балтии, особенно в Эстонии, а также главными лоббистами их интересов в западных структурах: Дания и Норвегия – в НАТО, Швеция и Финляндия – в ЕС. Поэтому не случайно, что активизация отношений ЕС с Литвой, Латвией и Эстонией происходит именно в 1995 г., когда в него вступили Швеция и Финляндия. Уже 12 июля 1995 г. ЕС заключает с ними Европейские соглашения об ассоциации, а в конце года принимает их заявки на вступление (27 октября – Латвия, 24 ноября – Эстония и 8 декабря – Литва). Таким образом, страны Балтии официально становятся кандидатами на вступление в ЕС.

Беспорным приоритетом внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии стало сближение с США. Как постоянно подчеркивали политики и дипломаты этих стран, лишь получение гарантий безопасности от единственной оставшейся в мире сверхдержавы и лидера демократического западного мира могло обеспечить выживание государств Балтии в долгосрочной перспективе [2, с. 13]. Поэтому их политические элиты прилагали серьезные усилия в указанном направлении, используя для этого в том числе и ресурс своих достаточно многочисленных и хорошо организованных диаспор в США. Балтийско-американские политические контакты в первой половине 1990-х гг. были весьма активны. Уже в середине сентября 1991 г. ознакомительный визит в столицы трех государств совершил госсекретарь США Дж. Бейкер [13]. А 6 мая 1992 г. литовский премьер Г. Вагнорюс встретился в Вашингтоне с американским вице-президентом Д. Куэйлом и они подписали двухстороннее соглашение о торговле и инвестициях [14]. 27 сентября 1993 г. на сессии ГА ООН в Нью-Йорке состоялась первая встреча президента США Б. Клинтона сразу со всеми главами государств Балтии в четырехстороннем формате [15]. В таком же формате Б. Клинтон встретился с ними в следующем – 1994 г. в Риге [16, с. 453]. При этом если в повестке балтийско-европейских отношений основное место занимали экономические вопросы, беспорным приоритетом балтийско-американских отношений были вопросы безопасности, а конкретнее – вопрос о принятии Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО.

Первые официальные контакты между государ-

ствами Балтии и НАТО были связаны с образованием Совета североатлантического сотрудничества (ССАС) в конце 1991 г. Одновременно Эстония первой из них объявила о желании присоединиться к Альянсу. 20 октября 1991 г. на встрече в Мадриде председатель Верховного Совета республики А. Рюйтель сообщил об этом генеральному секретарю НАТО М. Вернеру [17, с. 53]. Однако данное заявление не повлекло за собой каких-либо реальных шагов и в последующие два года стремление стран Балтии к вступлению в НАТО выразилось главным образом в создании национальных вооруженных сил изначально по натовским стандартам.

Реальная внешнеполитическая кампания стран Балтии по вступлению в НАТО началась с официальных заявлений о намерениях присоединиться к Альянсу, сделанных лидерами Литвы, Латвии и Эстонии в январе 1994 г. Вопреки устоявшемуся мнению, подобный шаг сложно увязать с хронологией вывода российских войск с территории стран Балтии – из Литвы он завершился на несколько месяцев ранее, а из Латвии и Эстонии – лишь восемь месяцев спустя. Поэтому на роль катализатора и отправной точки названного процесса гораздо больше подходит состоявшийся 4 января 1994 г. саммит НАТО в Брюсселе, на котором было принято принципиальное решение о возможности приема в Альянс новых членов и дан старт программе «Партнерство ради мира». Воодушевленные решениями этого саммита страны Балтии стремятся в последующие три года форсировать свой прием в НАТО путем активного участия в программе «Партнерство ради мира» и начала проведения на регулярной основе совместных военных учений с НАТО.

Оригинальным способом укрепить свои шансы на вступление в НАТО становятся проекты трехстороннего военного сотрудничества Литвы, Латвии и Эстонии. Уже в 1995 г. был образован БАЛТБАТ – сводный литовско-латвийско-эстонский миротворческий батальон, полностью соответствующий натовским стандартам, который мог участвовать в военных операциях Альянса и, таким образом, должен был продемонстрировать готовность стран Балтии быть не только «потребителями безопасности» со стороны НАТО, но и вносить свой посильный вклад в укрепление его возможностей. Во второй половине 1990-х за данным проектом последовал и ряд других – БАЛТРОН, БАЛТДЕФКОЛ, БАЛТНЕТ [18].

Правда, стоит отметить, что тесное трехстороннее сотрудничество государств Балтии началось гораздо раньше. Еще на этапе борьбы за восстановление их независимости Народные фронты Литвы, Латвии и Эстонии стали координировать свою деятельность – в мае 1989 г. они провели в Таллине первое заседание Балтийской Ассамблеи, а 23 августа того же года – знаменитую гражданскую акцию «Балтийский путь», в которой приняла участие четверть всего населения советской Прибалтики на тот момент. В мае 1990 г. была образована трехсторонняя межправительственная организация Совет Балтийских государств (Балтий-

ский Совет), а в ноябре 1991 г. – Балтийская межпарламентская ассамблея. Как отмечает в своих мемуарах первый президент постсоветской Литвы А. Бразаускас, трехсторонние контакты стран Балтии особенно активизировались в 1993–1994 гг. [16, с. 371–373]. На внеочередной встрече Балтийского Совета в Юрмале в июне 1993 г. было сделано совместное заявление о намерении трех государств вместе двигаться к членству в ЕС. В том же году между ними были заключены Договор о свободной торговле и ряд других договоренностей, включая декларацию о сотрудничестве в области безопасности. Однако, как отмечает И. Розенфельд, в 1996 г. официальные лица поспешили опровергнуть сообщения о возможности создания Балтийского военного союза [6, с. 97]. Ведь это фактически означало бы поддержку инициативы Б.Н. Ельцина, который в середине 1990-х гг. как раз пытался убедить страны Балтии, что их безопасность наилучшим образом обеспечило бы заключение одного или нескольких пактов о взаимных гарантиях безопасности со своими соседями, а не вступление в НАТО.

Заключение. Таким образом, в 1991–1995 гг. во внешней политике государств Балтии формируются три основных вектора: российский, европейский и трансатлантический. Несмотря на декларированный приоритет сближения с Западом, основные усилия этих государств в рассматриваемый период были направлены на достижение внешнеполитических целей именно на российском направлении. Основное место среди них занимали вывод российских войск и заключение с Россией соглашений о государственной границе, а для Латвии и Эстонии – также преодоление российского давления в международных организациях в связи с претензиями по поводу нарушений прав русскоязычных меньшинств в этих странах. Уже на данном этапе государства Балтии применили для достижения внешнеполитических целей достаточно эффективную для них тактику вовлечения в разрешение своих споров с Россией западных государств.

Отношения с США как с лидером западного мира и единственной оставшейся сверхдержавой, способной обеспечить их безопасность, изначально становятся ключевым приоритетом для стран Балтии. Однако наличие ряда нерешенных вопросов в отношениях с Россией и неготовность американского руководства сразу дать ответ по поводу перспектив их принятия в НАТО существенно тормозили их развитие в 1991–1995 гг.

Европейский вектор внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии отличался наиболее сложной многоуровневой структурой – он включал в себя несколько параллельных и взаимосвязанных, но достаточно самостоятельных направлений. Во-первых, это развитие отношений друг с другом и с соседними странами Северной Европы. Во-вторых, присоединение к западноевропейской интеграции, на то время выражавшееся в формировании первичной договорной базы отношений с Евросоюзом и получении статуса официальных кандидатов на

вступление в это интеграционное объединение. В-третьих, начало интеграции в западные структуры коллективной безопасности и обороны, такие как ЗЕС и НАТО. Иерархия этих направлений в рамках западного вектора внешней политики государств Балтии в обозначенный период находилась еще в процессе формирования.

Литература

1. Knudsen, O.F. The Foreign Policies of the Baltic States: Interwar Years and Restoration / O.F. Knudsen // *Cooperation and Conflict*. – 1993. – Vol. 28, № 1. – Pp. 47–72.
2. Smith, K.C. Baltic-Russian Relations. Implications for European Security / K.C. Smith. – Washington D.C.: Center for Strategic & International Studies, 2002. – 61 p.
3. Вушкарник, А.В. Проблемы отношений России со странами Балтии (1990–1996 гг.) / А.В. Вушкарник // *ДИЕ РАН*, № 36. – М.: ИЕ РАН, 1997. – 72 с.
4. Симонян, Р.Х. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты / Р.Х. Симонян // *Государство и право* – 2011. – № 11. – С. 106–114.
5. Симонян, Р.Х. Прибалтийские республики в контексте распада СССР // *Общественные науки и современность* / Р.Х. Симонян. – 2014. – № 3. – С. 98–109.
6. Розенфельд, И. Эстония до и после «бронзовой ночи» / И. Розенфельд. – Тарту–СПб.: «Крипта», 2009. – 576 с.
7. Носович, А.А. История упадка. Почему у Прибалтики не получилось / А.А. Носович. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. – 432 с.
8. Lamoreaux, J.W. The Baltic States As ‘Small States’: Negotiating The ‘East’ By Engaging The ‘West’ / J.W. Lamoreaux, D.J. Galbreath // *Journal of Baltic Studies*. – 2008. – Vol. 39, No. 1. – Pp. 1–14.
9. Ozoliņa, Ž. The United States and Latvia: Standing Shoulder to Shoulder in International Organizations / Ž. Ozoliņa // *Latvia and the USA: From Captive Nation to Strategic Partner*. D. Auers (Ed.). – Riga: University of Latvia Press, 2008. – Pp. 75–86.
10. Lietuvos Respublikos Aukščiausiosios Tarybos Konstitucinis aktas dėl Lietuvos Respublikos nesijungimo į postsovietines Rytų sąjungas. Vilnius, 1992 m. birželio 8 d. // Lietuvos Respublikos Seimas [Electronic resource]. – Mode of access: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?jfwid=rivwzvpvg&documentId=TAIS.2149&category=TAD> – Date of access: 19.02.2020.
11. Van Elsuwege, P. From Soviet Republics to EU Member States / P. Van Elsuwege. – Vol. II. – Leiden and Boston: Martinus Nijhoff, 2008. – 589 p.
12. Mottola, K. Nordic Security Policy Co-operation: A New Regional Role in the Making / K. Mottola // *Small States and the Security Challenge in the New Europe: Brassey’s Atlantic Commentaries*. No. 8 / W. Bauens, A. Clesse, O.F. Knudsen (eds.). – London–Washington: Brassey’s, 1996. – Pp. 150–170.
13. Пребывание госсекретаря США в Вильнюсе // *Эхо Литвы*. – 1991. – 17 сент. – С. 1.
14. Состоялась встреча вице-президента США и премьер-министра Литвы // *Эхо Литвы*. – 1992. – 8 июля. – С. 6.
15. Кулманис, Я. Поездка в Нью-Йорк была удачной / Я. Кулманис // *Дiena*. – 1993. – 1 окт. – С. 1.
16. Бразаускас, А. Пять лет президентства: события, воспоминания, мысли / А. Бразаускас. – М.: ЗАО Унипринт, 2002. – 623 с.
17. Володин, Д.А. Россия, США и страны Балтии после холодной войны / Д.А. Володин // *США – Канада. Экономика, политика, культура*. – 2004. – № 1. – С. 51–62.
18. Baltic Defence Co-operation – Main Joint Projects // *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia* [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: <http://www.am.gov.lv/en/security/4494/4498/?print=on>. – Date of access: 12.01.2017.

Поступила в редакцию 01.06.2020